

Загадки истории

ЗАЧЕМ, КОМУ И КАКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА НУЖНА БЫЛА В РОССИИ XVI—XIX СТОЛЕТИЙ

Заглавие предлагаемого очерка может вызвать кое у кого недоумение: а в самом деле, зачем вообще нужна была рукописная книга триста лет спустя после появления в нашей стране книгопечатания? Дело в том, что за первые полтора столетия существования русского книгопечатания вышло в свет едва ли больше десятка светских печатных книг, не связанных своим назначением и содержанием с потребностями церкви. Только

один писатель всей допетровской Руси, Симеон Полоцкий, мог увидеть некоторые свои сочинения напечатанными. Даже во времена петровских реформ, когда появились современный печатный шрифт и стали выходить газеты, книги издавались преимущественно учебные и официально-публицистические. Недаром современные археографические экспедиции привозят в качестве своих находок главным образом рукописные книги,

изготовленные в позапрошлом и прошлом столетиях.

Столь длительный срок сосуществования рукописной книжности с книгопечатанием был обусловлен определенными социально-экономическими и политическими условиями нашей страны, пережившей за последние триста лет смену трех общественных формаций. Естественно, книга в феодальный период играла в обществе далеко не ту же роль, что при капитализме. Да и при феодализме соотношение между рукописной и печатной книгами менялось. Поэтому вопросы, поставленные в заглавии очерка, можно дополнить еще одним словом «когда?».

Функциональное размежевание рукописной и печатной книг началось в России одновременно с появлением книгопечатания. В послесловии к «Апостолу» Ивана Федорова, первой русской датированной печатной книге, ясно говорится, зачем и кому понадобилось тогда «изыскивати мастерства печатных книг». Это потребовалось для того, чтобы обеспечить однообразие канонических богослужебных текстов, избавить и впредь застраховать их от ошибок переписчиков, снабдить книгами в достаточном количестве церкви на новых территориях. Все это помогала осуществить печатная книга.

Инициаторы введения книгопечатания в России, названные в том же послесловии — Иван Грозный и митрополит Макарий, выступали и до и после 1564 г. как организаторы книгописания. До этого были созданы макарьевские «Минеи-четы»¹ позднее — Лицевой летописный свод¹. Оба эти официозные книгописные мероприятия были задуманы и осуществлены с грандиозным размахом. «Минеи-четы», задуманные как «собрание всех книг, чтимых на Руси», определяли в 12 толстых томах круглогодичный цикл внебогослужебного чтения в рамках, допускавших главою русской церкви. Летописный свод должен был нарисовать колоссальное полотно мировой истории, завершением которой мыслилась тогда Московская монархия. Именно «нарисовать», сделать максимально наглядной эту кон-

цепцию! Для того к созданию свода, кроме многочисленных переписчиков, были привлечены художники-иллюстраторы, создавшие на почти 10 тысячах его сохранившихся листов свыше 16 тысяч иллюстраций. Все было сделано только в одном экземпляре. Вероятно, отсутствие возможности тиражирования рукописной книги с лихвой возмещалось в данном случае иллюстрированием ее текста, что всегда делало и делает книгу более впечатляющей².

Не только Лицевой свод, но и все остальные памятники официальной публицистики того времени — «Степенная книга», «Домострой», «История о Казанском царстве» и другие не предназначались для напечатания. Рукописный способ их распространения явно предвиделся, а может быть, и предпочитался. Функциональное размежевание между печатной и рукописной книгой в Москве сразу же определилось: первая надолго была закреплена за обслуживанием нужд церкви; вторая оставалась хранительницей и распространительницей внецерковного чтения.

Это размежевание сохранилось и в XVII в., особенно в его первой половине. С середины же столетия у печатной книги наметились новые функции, более интенсивно развившиеся в первой четверти XVIII века. В 1647 г. вышла первая русская печатная книга светского содержания — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», в следующем году — «Грамматика» Мелетия Смотрицкого. К «Учению и хитрости» тематически примыкает «Краткое обыкновенное учение... в строении пеших полков» (изд. в 1699 г.), а «Грамматика» заняла место рядом с «Букварями» Василия Бурцова и Кириона Истомина. В 1649 г. было напечатано «Уложение» царя Алексея Михайловича, через пять лет — «Уставная грамота о пошлинах за перевозки по рекам, за проезды по мостам». Таким образом, постепенно печатная книга стала обслуживать не только вероучение, но и учение вообще, а также кодификационные потребности государственной администрации. Наконец, начали выходить и литературные произведения — стихотворения Симеона Полоцкого, печатавшиеся в специальной придворной типографии незначи-

¹ Непосредственное участие Ивана IV в изготовлении последних томов свода в настоящее время оспаривается. См.: Н. Е. Андреев. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. «Труды» Отдела древнерусской литературы. Т. XVIII. Л. 1962, стр. 117—148. Однако и дьяк Иван Висковатый вряд ли мог перемаривать законченные и иллюстрированные листы Лицевого летописца без ведома царя. Слишком уж касались последнего некоторые описанные там события.

² В богослужебной книге иллюстрация не имела большого значения. «Изнутри» ее видели только церковнослужители, а молящиеся воспринимали «на слух». Лишь Псалтирь, употреблявшаяся и вне церкви, уже с XIII в. иногда иллюстрировалась.

тельными тиражами. Печатный станок использовался в данном случае отнюдь не для облегчения распространения произведений, а для придания им «благородного» вида, соответствующего придворным обычаям.

В то же время и в тех же «высших кругах» оживилось и книгописание. Центром его стал Посольский приказ, а «душой» — боярин А. С. Матвеев, один из образованнейших людей того времени, основатель русского театра. Изготавливались роскошные, опять-таки «подносные», в том числе лицевые, экземпляры книг исторических и официально-публицистических: об избрании и венчании на царство основателя новой династии, о связи последней с предшествующей — «Корень великих государей российских», «Родословие великих князей и монархов», и другие сочинения, в том числе переводные³. Все XVII столетие книгописание продолжалось и по монастырям. В крупнейших из них (Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском и Соловецком) изготавливались иногда роскошные лицевые книги. Однако репертуар их редко выходил за пределы богослужебного круга или местной агрографической тематики. Таким образом, и правительство и церковь продолжали до самого конца XVII в. наряду с книгопечатанием поддерживать книгописание.

Что касается русской литературы второй половины XVII в., то один из лучших знатоков ее писал: «Основной факт общественно-литературного движения той эпохи — резкое размежевание литературы по ее классовому происхождению и направленности... Параллельно с литературой господствующего класса феодалов... широчайшее распространение получает в результате активности народных масс литература демократическая, чрезвычайно разнообразная по содержанию и по форме... Распространялась она в форме небольших рукописных сборничков, дешевых и вполне доступных»⁴. Памятники литературы XVII в. обычно характеризуются советскими литературоведа-

ми по их «социальному происхождению» или по направленности. Иногда по этим признакам их и систематизируют⁵. Вопрос же о том, в какой социальной среде и когда данный памятник получил наибольшее распространение, обычно освещается слабее, так как он относится более к истории книги, нежели литературы. А советские книговеды все свое внимание сосредоточили на изучении русского книгопечатания⁶. В результате осталась почти не изученной такая важная для истории русской культуры проблема, как естественный («социальный») отбор текстов в рукописной книжности их распространителями и читателями. Социологическое исследование состава последних может дать обильный материал для ответа на общий вопрос, поставленный в заголовке данного очерка.

Судьбой дешевых и общедоступных рукописных сборников заинтересовался в свое время акад. М. Н. Сперанский (1863—1938), предпринявший первую попытку проанализировать состав их авторов, владельцев и читателей⁷. Но его наблюдения, к сожалению, в таком масштабе никем не были продолжены. К тому же ныне накопилось много новых фактов и появилась новая методика изучения рукописной книжности. Была тщательно разработана текстология древнерусской литературы⁸. Стал, в частности, изучаться антураж (по терминологии чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева «конвой») списков каждого произведения. Подавляющая часть списков сохранилась не в виде отдельных рукописных книг, а в составе сборников. Среди последних едва ли не в

⁵ Например, старейший украинский литературовед А. А. Назаревский («Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия». Киев. 1958, стр. 8—9).

⁶ В 16 выпусках специального сборника «Книга. Исследования и материалы», кроме упоминавшейся уже работы И. М. Кудрявцева, опубликована лишь одна статья о рукописной книжности (А. С. Мыльников. Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания. «Книга. Исследования и материалы». Вып. IX. М. 1964).

⁷ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в. Материалы для истории русской литературы XVIII в. М. 1963. В книге рассмотрено более пятисот таких сборников, и она в настоящее время является самым полным справочником о русской рукописной книжности XVIII столетия.

⁸ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.-Л. 1962; его же. Текстология. Краткий очерк. М.-Л. 1964.

³ И. М. Кудрявцев. «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги второй половины XVII в.) «Книга. Исследования и материалы». Вып. VIII. М. 1963, стр. 179—244.

⁴ И. П. Еремин. Лекции по древней русской литературе. Л. 1968, стр. 162—163. В статье «Семнадцатый век в русской литературе» Д. С. Лихачев также утверждает: «Это век, в котором одновременно возникают литературы придворная и демократическая» (кн. «XVII век в мировом литературном развитии». М. 1969, стр. 299).

большинстве — так называемые сборники-конволюты, составлявшиеся из отдельных тетрадей читателями, а позднее — коллекционерами рукописной книги. Иногда тексты подбирались по тематическому признаку, но чаще сборники получались смешанного содержания. Подбор текстов каждого из сборников, будь он переписан одним почерком или же составлен из различных тетрадок, отражает иногда читательские интересы, а иногда — предназначение сборника. Думается, что в спорах о происхождении, направленности, даже о жанре того или иного произведения местонахождение его списков (в таких-то библиотеках, в такого-то состава сборниках и т. п.) пока еще недостаточно принимается во внимание.

В качестве примера приведем одну из так называемых «повестей Смутного времени», вызвавшую едва ли не самые жаркие споры среди советских исследователей (суть спора выражена в заглавии новейшего издания произведения: Н. Ф. Дробленкова «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность». М.-Л. 1960). А между тем она сохранилась в единственном списке библиотеки Троице-Сергиевой лавры, в сборнике-конволюте, составленном в XVIII в. из тетрадей двух предшествующих столетий. Сборник «характеризуется определенным подбором материала, связанного с темой защиты православия от латинских ересей»⁹. Именно указанная сторона содержания «Новой повести» и привлекла, вероятно, внимание составителя, а это дает основание предположить, что по крайней мере в XVIII в. она рассматривалась не иначе, как в церковно-полемическом аспекте. Еще неизвестно, кто ближе к истине — составитель сборника или современные исследователи «Новой повести», считающие ее то настоящим «подметным письмом», то лишь подражанием ему¹⁰, но почти единогласно памятником «демократически-патриотическим». Почему же тогда «Новая повесть» не получила распространения в рукописной книжности? Случайность это или следствие каких-то исторических обстоятельств?

Вопрос о числе сохранившихся списков памятников русской литературы XVII в. должен рассматриваться иначе, чем для памятников предшествовавших столетий, ког-

да действительно погибло огромное количество книг. После «Смутного времени» и вплоть до Отечественной войны 1812 г. в России не было крупных, очень разорительных интервенций. А важнейшие из рукописных книг, погибших при московском пожаре 1812 г., известны исследователям по выпискам из них в трудах историков конца XVIII — начала XIX в. (главным образом у Н. М. Карамзина) и по некоторым сохранившимся книжным каталогам. Трудно представить, чтобы исследователи, обнаружившие в собрании графа Мусина-Пушкина единственные списки «Слова о полку Игореве» и Троицкой летописи, не обратили внимания на редкое произведение о «Смутном времени», к которому тогда проявлялся большой и всеобщий интерес в связи с двухсотлетием событий. Почему же текст «Новой повести» не вышел за стены Троице-Сергиева монастыря, а написанное его келарем Авраамием Палицыным «Сказание» на ту же тему распространилось? Да еще так, что его современные издатели лишут: «Определить полностью общее количество всех списков памятника не представляется возможным». Приходится пожалеть, что в этом издании лишь в сноске кратко сказано, в какой именно социальной среде и сколько оказалось просмотренных рукописей, и что из читательских помет воспроизведена только одна — «города Устюжны Железнопольской посацкого человека Нефедя», который эту рукописную книгу «подписал сам своими тремя перстами»¹¹. Это лишает возможности получить ответ на вопрос, зачем было нужно «Сказание» и каким читателям.

Примером того, сколь значительные результаты дает исследование не только происхождения, но и среды распространения литературного произведения в рукописной книжности XVII—XVIII вв., является книга В. Д. Кузьминой «Рыцарский роман на Руси». Учтывая все, а не только «демократическое происхождение» приписки на сборниках, содержащих тексты двух исследуемых произведений, она наглядно показала, когда и как они спустились с «верхов» русского общества в его «низы» и как при этом изменились. А из читательских записей, свидетельствующих, кому и зачем нужна была рукописная книга, приведем здесь лишь одну: «Сня История о преславном рыцаре и ковалере Петре [Златых]

⁹ Н. Ф. Дробленкова. Указ. соч., стр. 210.

¹⁰ Подробнее см.: А. А. Назаревский и др. Указ. соч., стр. 21—29.

¹¹ «Сказание Авраамия Палицына». Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.-Л. 1955, стр. 64, 70, 73.

ключей и о прекрасной французской Магилене королевне дворцового Сясакого рятку крестьянина Фомы Кузнецова. А купил сию Историю в Сантпистер-бурхе на рынке сын его Кирил Фомин сын Кузнецова в 1753 году марта 26 дня для научения читать, притом и для внимания писания»¹². Покупатель этой книги имел в виду две цели: уграждение в чтении и удовлетворение чисто читательского интереса.

Вот какие разнообразные и интересные ответы можно получить, исследуя владельческие и читательские записи на сборниках XVIII века. И как жаль, что целый ряд оригинальных русских повестей XVII в. был издан без исследования их читательской среды. Ведь даже варианты заглавия одного и того же произведения говорят иногда о различном подходе читателей к нему. «Повесть зело предивна бысть в древния времена и лета града Великаго Устюга купца Фомы Грудцына о сыне его Савве: как он даде на себя дяволу рукописание и како избавлен бысть милосердием пресвятыя богородицы Казанския» — так озаглавлена часть списков одной из популярнейших повестей XVII века. «Повесть зело пречюдна и удивлению достойна, иже бысть грех ради наших гонение Российского государства на христианы от безбожного еретика Гришки Отрепьева ростриги, иже содеяся в граде Казани некоего купца Фомы Грудцына о сыне его Савве» — так называется другая группа списков той же повести. Судя по заглавиям, читателей первой группы больше интересовала религиозно-нравоучительная сторона повествования, его связь с «чудотворной» иконой; читателей второй группы явно привлекал исторический фон произведения. Поэтому Казань во втором варианте заглавия указана в качестве места начала действия, а не для обозначения происхождения иконы, хотя и последняя выбрана неслучайно: она находилась в церкви на Красной площади в Москве, где происходит финал повести.

Однако в повести о Савве Грудцыне присутствует не только «демонологический», но и исторический фон; добавлена изрядная доза описаний любовных походов героя — новый для русской литературы того времени элемент, хотя и смысловый еще традиционно: женщина — «орудие дьявола».

¹² В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр златых ключей. М. 1964, стр. 191. Бывшее дворцовое село Сяские Рядки находится ныне в Волховском районе, Ленинградской области.

Сочетание элементов традиционных, привычных, нравоучительных с новыми, необычными и занятными, да еще на фоне событий недавнего «Смутного времени», — все это, вероятно, и обеспечило большую популярность «Повести о Савве Грудцыне» в рукописной книжности XVII—XVIII столетий. Она удовлетворяла самым разнообразным потребностям в чтении, от нравоучительных до развлекательных. Но кто именно, когда, в какой социальной среде способствовал распространению и в какой редакции этой повести, в которой, кроме всего прочего, отразился еще сюжет о докторе Фаусте? ¹³. На эти вопросы можно ответить лишь просмотрев вновь все 68 списков, привлеченных к изданию в 1947 г. ¹⁴, а также списки, обнаруженные позднее, при описании рукописных фондов среди материалов археографических экспедиций. Социологическое обследование читателей «Повести о Савве Грудцыне» может подтвердить или, напротив, отвести урек издателю в неправильности «ее социологического осмысления, вытекающего из трактовки автора повести как идеолога русского купечества XVII в.» ¹⁵. Вот еще один пример, свидетельствующий о возможностях и необходимости исследования социальной среды распространения памятников древнерусской литературы в рукописной книжности.

Говоря о судьбе рукописного наследия памятников XVII в., приходится постоянно пользоваться данными изучения рукописной книжности XVIII столетия. Это не случайно, а определяется рядом причин, главнейшая из которых — целенаправленность русской печати с начала XVIII века. Да, именно печати, так как тогда начали печататься не только книги, но и газеты, календари, правительственные распоряжения, листовки о важнейших политических и военных событиях. Петр I, как никто из его предшественников, понял и оценил значение книгопечатания и использовал его для пропаганды официальной идеологии, для учебных целей, а также для популяризации правительственных предприятий. «Буквально каждое издание 1708—1725 гг. может быть объяснено на основании принци-

¹³ На общность сюжета обоих этих произведений указывает Д. С. Лихачев, характеризую эпоху своеобразного русского Возрождения XVII в. («XVII век в мировом литературном развитии», стр. 308).

¹⁴ «Труды» Отдела древнерусской литературы. Т. V. 1947, стр. 228—233.

¹⁵ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М. 1966, стр. 415.

пов правительственной политики в тот или иной момент», — писал крупнейший знаток русской литературы XVIII в. П. Н. Берков¹⁶. И речь идет о книгах уже не старого, церковно-славянского, а нового, гражданского шрифта, которым Петр приказал «печатать исторические и мануфактурные книги».

Итак, первоначально гражданский шрифт менее всего предназначался для литературы. Печатному станку в России и на сей раз не удалось овладеть такой обширной областью, как книга для чтения. Эта область все еще оставалась во владении рукописной книжности. В последней продолжали распространяться как памятники более ранней литературы, преимущественно XVII в., так и современные, появившиеся в новых условиях, но отражавшие их часто еще в старых жанрах. Бытовая повесть XVII в. преобразилась в так называемые «петровские повести»¹⁷, а пародийно-сатирические произведения стали не только пересмеивать новый быт, но и пародировать новые формы печати, например, газеты. Репертуар рукописной книжности XVIII в., по крайней мере первой его половины, при всем своем разнообразии отличается одной характерной чертой — переплетением старой и новой традиций. Для ее тогдашних читателей не существовало разницы между древнерусской и современной им литературой.

Вот пример. В Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) хранится сборник пародийно-сатирических произведений XVII и XVIII вв., подобранных кем-то совершенно сознательно: все переписано одним почерком. Начинается сборник «Повестью о Ерше-Ершовиче» — пародией XVII в. на судопроизводство, а кончается «Гимном бороде» М. В. Ломоносова и некоторыми другими сатирическими стихотворениями. Русская сатира XVII в. представлена еще «Шемякиным судом», «Калязинской челобитной», «Повестью о куре и лисице», то есть выдающимися ее памятниками, направленными

против царской бюрократии и казенной церкви. XVIII столетие, кроме сочинения Ломоносова и его противников, представлено пародией на молитву «Отче наш» и сатирической «Повестью о купце», в которую включены пародийные «авизии», пересмеивающие газетные известия. Кто составил эту маленькую антологию русской сатиры XVII—XVIII вв., неизвестно, но кто ее читал, сказать можно. На сборнике есть пометы о чтении и переписке купца и посадского человека в Якутске, иркутского и вологодского купцов, казака Василия Чиркова (без обозначения места). Есть еще суровая анонимная запись: «Книгу должно бросить в воду с камнем, да не научатся врать!». Нетрудно предположить, что этот суровый приговор книге вынес кто-нибудь из узнавших себя в ее сатире¹⁸.

Со второй половины XVIII в., когда книга для чтения стала печататься чаще, у рукописной книжности появились новые функции: она способствовала распространению печатных изданий и доводила до читательской аудитории то, что запрещалось цензурой. Стихотворения М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. П. Сумарокова и других поэтов распространялись в рукописных песенниках гораздо шире, а иногда и раньше, чем в печати. Списки же запрещенных произведений, преимущественно сатирических, вообще очень быстро расходились среди всех классов и сословий общества. Общеизвестный пример со списками «Путешествия из Петербурга в Москву», которые изготовлялись даже в монастырях¹⁹, говорит сам за себя.

Читательская среда рукописной книги второй половины XVIII в. была чрезвычайно пестрой, и репертуар чтения различных слоев общества перемешался и не столь уже четко дифференцировался, как это было в предыдущем столетии. Приведу в пример остатки библиотеки конца 1780 — начала 1790-х гг. некоего «крестьянина Петра Семенова сына Меркурьева». В небольшие тетрадки им «своеручно» были переписаны самые разнообразные вещи — от «Сказания об Иуде предателе» и «Краткого описания Устюга Великого» до «Истории о российском дворянине Александре» (одна из «петровских повестей») и редкостного переводного романа об англичанине Бер-

¹⁶ «Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г.». Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Редакция и вступительная статья П. Н. Беркова. М.-Л. 1955, стр. 14.

¹⁷ Они были недавно изданы по всем сохранившимся спискам («Русские повести первой трети XVII в.». Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.-Л. 1965). В издании приводятся владельческие и читательские пометы на списках повестей.

¹⁸ Подробнее см.: Н. Н. Розов. Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в. «Труды» Отдела древнерусской литературы. Т. XIV. 1958, стр. 481—485.

¹⁹ Г. П. Шторм. Потаенный Радищев. М. 1968, стр. 66—104.

тольде²⁰. Даже списки сатирических произведений иногда не уничтожались, а распространялись в той среде, которая в них высмеивалась. Так, существует указание на сборник, в котором есть антицерковные сатиры, но принадлежал он одно время духовному лицу²¹.

Конец XVIII в. был концом монополии рукописной книги как книги для чтения. Увеличение тиражей печатных книг и снижение цен на них, разнообразное содержание и, наконец, появление провинциальных типографий — все это медленно, но верно вытесняло рукописную книгу из широкого употребления. На грани XVIII и XIX вв. она стала сосредоточиваться в собраниях коллекционеров уже не для чтения, а в качестве раритетов, реже как предмет изучения. Лишь один вид рукописной книги активно сохранялся и в прошлом и в начале нашего столетия — старообрядческие сочинения. Призвая лишь дониконианскую книгу и не имея возможности пользоваться печатным станком, старообрядцы вынуждены были изготовлять рукописные книги и для богослужения, и для вероучения, и в полемических целях. В последнем жанре старообрядческая рукописная книжность иногда выходила победительницей в борьбе с официальной печатной книгой. Об этом свидетельствует, например, история с «Соборным деянием на еретика Мартина». В целях борьбы с расколом эта насмешливая фальшивка была немедленно напечатана и в 1718—1720 гг. издавалась трижды. Тогда старообрядцы, впервые в истории русской археографии применив методы палеографии и критики текста, доказали факт фальсификации «Соборного деяния», хотя ему был придан вид старинной рукописной книги²².

Однако с конца XVIII в. старообрядчество стало дробиться на множество «толков» и «согласий». Его полемическая литература, направленная первоначально целиком про-

тив официальной церкви, тоже стала мельчать. Но она остается важным источником истории русской демократической общественной мысли XVIII—XIX вв., хотя в этом аспекте старообрядческая книжность игнорируется советскими историками. Литературоведов же больше привлекают такие яркие фигуры начала старообрядчества, как протопоп Аввакум, его «соузники» и корреспонденты. В основном только В. И. Малышев занимается поздней северной старообрядческой книжностью, раскрывая ее самобытность и значение для истории культуры нашей страны²³. Недостаточное внимание уделяют поздней старообрядческой рукописной книге и советские искусствоведы. Знаменитый «поморский» стиль письма и художественного оформления рукописных книг XVIII—XX вв. заслуживает гораздо большего к себе внимания. В нем причудливо сочетались древнерусские книгописные традиции с барокко, шедшим с того самого «латинского» Запада, обличению которого посвящена значительная часть старообрядческой полемической литературы.

То немногое, что сказано здесь относительно старообрядческой рукописной книги, далеко не исчерпывает всех проблем изучения этого материала. А ведь именно за счет подобных рукописей в основном осуществляется в настоящее время пополнение фондов отделов рукописей крупнейших наших библиотек и музеев. Но в прошлом столетии продолжала распространяться не только старообрядческая книга. Преимущественно в русской провинции ходили по рукам, читались и переписывались рукописи светского характера, особенно среди купечества, мещанства, крестьянства, сельского и городского духовенства. Преобладали книги исторического содержания, сочиненные в старой традиции. Но попадались и современные, в том числе запрещенные цензурой. Так, в библиотеке сельского священника К. И. Спасского имелся список знаменитого письма А. И. Герцена к Александру II, списки запрещенных цензурой стихотворений М. И. Михайлова и памфлета на Булгарина и Греча. Недаром епархиальное начальство чрезвычайно подозрительно относилось к интересу духовенства, проявляемому к рукописной книжности, как

²⁰ Пять таких тетрадей сохранились в Публичной библиотеке (Ленинград) в собрании А. А. Титова. На некоторых из них Меркурьев поставил, вероятно, порядковый номер своей библиотеки (самый большой — 25). Где он жил, пока не выяснено, но на одной тетради имеется читательская помета хавтера Воткинского завода Федора Швецова.

²¹ М. Н. Сперанский. Указ. соч., стр. 88.

²² Подробнее см.: В. Г. Дружинин. Поморские палеографы начала XVIII столетия. «Летопись занятий Археографической комиссии». Вып. 31. Птгр. 1923.

²³ В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар. 1960. В книге приведены подробные сведения о писцах и владельцах рукописных книг в населенных пунктах по рекам Печоре, Пижме и Цильме вплоть до наших дней.

это видно на примере протоиерея г. Нерехты М. Я. Диева, хотя никаких «крамольных» сочинений среди его многочисленных краеведческих трудов не было обнаружено²⁴.

Многое можно было бы рассказать о читательских интересах и краеведческой деятельности крестьянина села Угодич (около Ростова Великого) А. Я. Артынова (1813—1896). В данном случае может быть прослежена эволюция читательских интересов нескольких поколений крестьянского рода на фоне изменявшихся социально-экономических условий. В конце XVIII в. Артыновы были богатыми огородниками, торговавшими овощами в Москве и Петербурге. Для этого они арендовали землю у Тихвинского монастыря. Один из них в 1793 г. написал «Книгу истории» своего родного села и собирал краеведческие материалы, в том числе рукописи. Сам Александр Яковлевич

богатым человеком не был, но краеведческие материалы собирал и сочинял еще более усердно²⁵. Сын же его Яков писал стихотворения в стиле Н. А. Некрасова. В одном из них он рассказывает, как сельская молодежь читала сочинения Белинского, Герцена и Чернышевского²⁶. Не будет натяжкой предположить, что большинство названных сочинений распространялось в те времена (то есть в середине прошлого века: Я. А. Артынов родился в 1836 г.) в рукописной книжности. Видно, как на протяжении всего лишь одного столетия менялся репертуар чтения в крестьянской семье. Так, изучая круг чтения и сочинительскую деятельность одного только крестьянского рода Артыновых, получаем частичный ответ на вопрос, зачем, кому и какая рукописная книга была нужна.

Н. Н. Розов

²⁴ См. А. А. Титов. Ученый протоиерей Костромской епархии М. Я. Диев и его рукописи. «Библиографические записки», 1892, № 2. Обильнейшее рукописное наследие Диева разошлось по разным архивам и коллекциям, большая часть хранится в ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Личность этого энтузиаста-краеведа пока не привлекала внимания советских исследователей, хотя отдельные работы Диева публиковались даже после Октябрьской революции (в «Трудах» Костромского научного общества по изучению местного края).

²⁵ Любопытные «Записки» А. Я. Артынова опубликовал известный собиратель и издатель рукописей А. А. Титов, приобретший его архив («Чтения в обществе истории и древностей российских», 1882, кн. 1—2).

²⁶ Рукопись ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. А. А. Титова, № 3743, лл. 56 об.—57 об. Частично опубликовано в обзоре: Н. Н. Розов. Новые поступления из собрания А. А. Титова. «Сборник ГПБ». Вып. 3. Л. 1955, стр. 173. На стр. 184 указаны шифры упоминавшихся выше рукописей К. И. Спасского.